

«АНТИФИЛОСОФСКАЯ» ПОЗИЦИЯ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА. К ИСТОРИИ ПОПЫТОК УПРАЗДНЕНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ¹

А.Ю. Минаков

Воронежский государственный университет

Достаточно широко известен факт упразднения преподавания философии в русских университетах в царствование Николая I в 1850 г. Сменивший С. С. Уварова на посту министра народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов при этом заявил, что все выводы наук должны основываться «не на умствованиях, а на религиозных истинах». Ему также приписывают афоризм: «польза философии не доказана, а вред от нее возможен».

Однако у Ширинского-Шихматова были предшественники в 20-е гг. XIX в. Тогда, впрочем, им не удалось реализовать свою программу. Либеральная и марксистская историография традиционно изображают их в виде неких inferнальных существ, невежественных интриганов и фанатиков, выступающих против передовых и прогрессивных людей того времени, в поведении их отсутствует какая-либо логика или позитивные моменты, оно объясняется только крайне отрицательными человеческими свойствами, стремлением угодить власти имущим и т. д. Ярким образцом такого изложения может послужить крайне тенденциозное в этом отношении сочинение Г. Г. Шпета «Очерк развития русской философии». Однако мы не можем ныне довольствоваться лишь памфлетным изображением происходящего. Наша задача – попытаться понять логику консерваторов 20-х гг., показать, что, в сущности, они пытались создать свою собственную философскую систему взглядов и противопоставить ее философии, которая по преимуществу развивалась в рамках Просвещенческого проекта.

Кровавая эпоха, начавшаяся в 1789 г. и ознаменовавшаяся неслыханным террором, свержением «престолов и алтарей», временно завершилась Венским конгрессом 1815 г. Традиционалистско-консервативная реакция (это слово мы употребляем в нейтральном ключе, без негативной окраски) была в этой ситуации неизбежной и мощной. В том же 1815 г. стараниями Александра I возникает

первый глобальный антипросвещенческий проект – акт Священного Союза и соответствующая политическая организация. Священный Союз провозгласил неслыханную и немислимую ранее задачу – построение мира в Европе на христианских основах. В декларации Священного Союза, текст которой редактировал российский консерватор А. С. Стурдза, наряду со всем прочим провозглашалась задача «руководствоваться не иными какими-либо правилами, как Заповедями <...> Святыя Веры, Заповедями любви, правды и мира, которые отнюдь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни, должны служить напротив того непосредственно управлять Волею Царей, и водить всеми их деяниями, яко единое средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенство» [1, 189]. Применительно к сфере науки и образования эта фраза была интерпретирована русскими консерваторами как необходимость внедрения в эти сферы религиозных принципов, сочетания «истин науки» с «истинами веры». Последняя задача была важнейшей составляющей русского анти-просвещенческого проекта, который в большей или меньшей степени стал реализовываться на практике А. Н. Голицыным, А. С. Стурдзой, М. Л. Магницким, Д. П. Руничем. Все эти люди не представляли единой сплоченной группы, напротив, среди них существовали острые разногласия, велась ожесточенная закулисная борьба. Но так или иначе, им удалось выработать контуры той «анти-философской» философской позиции, которая отвечала бы поставленной глобальной задаче. Другой вопрос – насколько убедительно им удалось это сделать и насколько качествен был их собственный проект.

У этого проекта была своя логика, цель, определенные задачи, методы исполнения. Наша задача – описать их.

В 1817 г. было создано Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с князем А. Н. Голицыным. Ведущие сотрудники этого ми-

¹ Исследование проводится при поддержке РФНФ, грант № 06-01-00158а.

нистерства, русские консерваторы, усматривали в правительственном либерализме первого десятилетия царствования Александра I, в «слепом доверии» к просветительским идеям XVIII в. источник политических потрясений и религиозных смут. Они разработали систему мер, которые позволили бы, как им представлялось, остановить революционизирование России (которое шло исключительно быстрыми темпами, достаточно вспомнить про декабризм). Таковыми были:

– водворение через систему образования начал монархизма и веры;

– «блокирование» идей Просвещения в преподавании всех научных дисциплин, в первую очередь философии и естественного права;

– попытка создать новую науку и новое искусство, «проникнутые духом Христовым» (взамен «ложной науки», возникшей под влиянием «язычества и безверия» [2, 19]), на основе синтеза научного знания с истинами Священного Писания и Предания;

– внедрение чисто религиозных дисциплин, создание в университетах кафедр богословия (напомним, что первый русский университет, созданный при активном участии Ломоносова, не имел богословского отделения);

– попытка «обрусить» науку; выход для России виделся в том, чтобы поставить систему образования таким образом, чтобы она соответствовала национальным особенностям [3, 237];

– усиление дисциплины в университетах по образцу монастырских уставов и католических учебных заведений во Франции и в Австрии [4, 1317-1337];

– меры репрессивного характера: изгнание либеральной профессуры, запрет книг определенного содержания, жесткая цензура.

Особый вклад в разработку вышеперечисленных мер внесли А. С. Стурдза и М. Л. Магницкий. Первый написал 5 августа 1818 г. «Наставление для руководства Ученого Комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ». Ученый Комитет был своего рода «мозговым центром» «сугубого» министерства. Наставление задавало тон всей работе Комитета. Главная его задача состояла в том, «чтобы народное воспитание <...> направить к истинной, высокой цели, к водворению в состав общества (в России) постоянного и спасительного согласия между верою, ведением и властью: или другими выражениями, между Христианским благочестием, просвещением умов, и существованием гражданским» [5, 187-188].

О преподавании философии Стурдза, сам талантливый философ и богослов, писал следующее: «Философические книги о нравственности и началах общественной жизни, изошряя умы и возвышая сердца учащихся, не должны вмещать в себя ничего независимого от единого источника благих нравов: веры в Бога, Спасителя нашего, то есть, Комитет обязан допускать в преподавание токмо те книги о нравственной Философии и умозрительном Законодательстве, кои *не отделяют нравственности от веры*, кои не восписуют добродетелей и учреждений гражданских чужому источнику; одним словом, те, кои не противоречат практическому Христианству. Например, не могут быть терпимы книги, учащие мнимой добродетели без всякого указания на единственный ее источник» [5, 198-199]. Таким образом, преподаванию философии изначально ставились весьма жесткие рамки.

На практике эти идеи в наибольшей степени были реализованы системой мер, осуществленных М. Л. Магницким в Казанском университете начиная с 1819 г.

В основе преподавания всех наук в Казанском учебном округе «должен быть один дух Святого Евангелия». В университете вводилось богословское отделение, профессор которого обязан был преподавать библейскую и церковную историю. В преподавании философии основополагающим становился следующий принцип: «все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь, и без всякой пощады должно быть отвергаемо, <...> только те теории философские основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением Евангельским: ибо истина едина, а бесчисленны заблуждения» [4, 1328].

В дальнейшем Магницкий пришел к убеждению в том, что преподавание философии в том виде, в каком это сложилось на практике, подрывает существующий строй. Для Магницкого был неприемлем антропоцентризм просвещенческой философии: «как скоро человек признает себя *самовладыкою*, то он тем самым есть уже бунтовщик против Бога и против всякой власти, Богом установленной; *бунтовщик же только ненавидеть может*, следовательно, общее чувство, философскими учениями рождаемое, есть *ненависть*». Воздействие такого рода философии имеет для традиционно-монархического общества крайне негативные последствия: «сначала поколебалась и исчезла вера, потом взволновались мнения, изменился образ мыслей только переменою значения и подменой слов, и от сего неприметного и как бы

литературного подкопа алтарь Христов и тысячетный трон древних государей взорваны; кровавая шапка свободы оскверняет главу помазанника Божия и вскоре повергнет ее на плаху. Вот ход того, что называли тогда только *философия* и *литература* и что называется уже ныне *либерализм!*» [6, 187].

В неопубликованной записке, озаглавленной «О способе, которым Германская Философия заразила все науки и даже те, которые никакой связи прежде с нею не имели» Магницкий в свойственной ему экзальтированной манере утверждал, что новейшая философия <...> представляет собой столь искусный подмен Евангельского учения, что неопытная юность, увлекаемая воображением и гордостью, с восторгом сбрасывает золотые узы Религии, исторгается из Священного мрака ее таинств, бежит к ложному свету разума, находит свободу страстей, не наказанность порока, довольство чувственных наслаждений и фанатически сей выгодный и спокойный образ мыслей, сие опьянение души, принимает» [7, л. 37]. Далее, философия, «не нападая прямо на Религию, подрывает <...> ее, подменяя системою новых идей, совершенно ей противоположных, и очаровательных для гордого разума и свободы страстей. За сим <...> неверие века сего отравляло своим ядом все науки и сделало из познаний, для общества полезных, совершенный заговор противу Бога и Царей» [7, л. 36]. Стоит при этом отметить, что сам Магницкий был достаточно философски образованным человеком. В начале 30-х гг. XIX в., оказавшись в опале, он издавал журнал «Радуга», где пытался разработать свой вариант правительственной идеологии, которая опиралась на труды некоторых германских философов: К. Л. фон Галлера, Ж.-П. Рихтера, И. Г. Гамана и некоторых других.

Старания Магницкого в конечном счете не увенчались успехом. Преподавание философии в 20-е гг. не было запрещено. Однако очевидно, что «антифилософская» позиция русских консерваторов, наиболее ярко выраженная Стурдзой и Магницким, была отнюдь не проявлением невежества или иррациональной нелюбви к философии как таковой. Напротив, именно эти консерваторы поставили вопрос о создании религиозной, христианской, православной философии, которая могла бы послужить идейной основой монархической госу-

дарственности. Она не должна была быть антропоцентричной, в ней должны были быть максимально сближены церковная и светская культурные традиции, при этом культура должна была опираться на Священное Писание и Предание. Кроме того, в ней должны были органично сочетаться истины веры и науки. Антирационализм был также одной из составляющих подобной системы взглядов.

Таким образом, речь не шла о некоем inferнальном обскурантизме, а о выборе определенного типа образованности, той системы ценностей, которая бы лежала в основе учебных программ и противостояла материализму, атеизму, революционизму и т. д. Однако следует признать несостоятельность данной попытки: у русских консерваторов не было и не могло в то время быть философской культуры, которая могла бы интеллектуально вытеснить философские течения, связанные с Просвещением. Они были обречены идти по пути репрессивно-административных запретов, что в высшей степени компрометировало их в глазах образованных людей того времени, по большей части принадлежавших к либеральному лагерю. Оригинальный вариант русской религиозной философии был создан значительно позже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.
2. *Морозов П. Т.* Мое знакомство с М.Л.Магницким. М., 1877.
3. Показания Магницкого. // Деятельный век: Исторический сборник. М., 1872. Т.1.
4. Инструкция директору Казанского Университета 17 января 1820 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Александра I. 1802–1825. Изд-е 2-е. СПб., 1875.
5. Наставление для руководства Ученого Комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ // Журнал департамента народного просвещения. Февраль 1821. Ч. 2.
6. Два мнения попечителя Казанского учебного округа, М. Л. Магницкого // Русский Архив. 1864. № 1-12., изд-е 2-е. М., 1866.
7. ГАРФ. Ф.1165. оп.3. д.59. Записка о тайных обществах, полученная от Магницкого М.Л. в 1824 г. (об иллюминатах, обществе Иоахима, о распространении немецкой философии. 1824.